

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2025.4.2

Россия и Запад: истоки конфликта цивилизаций

М. И. КОЗЬЯКОВА

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО РАЗВИТИЮ КУЛЬТУРНЫХ,
ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ И ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ «ЛИГА КУЛЬТУРЫ, ЗДОРОВЬЯ, ТУРИЗМА»

Целью данной статьи является комплексный культурологический анализ причин противостояния Запада и России, который позволяет определить истоки современного конфликта, проследить эволюцию взаимоотношений двух европейских цивилизаций. Гипотеза исследования, принятая автором, состоит в том, что истоки антагонистического противостояния, переросшего в настоящее время в цивилизационный конфликт, кроются не только и не столько в политической конъюнктуре Нового времени, сколько в тысячелетней истории Запада и России. Отвечая на современные западные инсинуации о якобы «агрессивных» намерениях России, необходимо отметить важное обстоятельство: как свидетельствуют исторические факты, наша страна всегда выступала за мирное разрешение проблем, прибегая к военным действиям в случае крайней необходимости или же для защиты собственной территории. В данном аспекте важная роль принадлежит национальному менталитету, сформированному предыдущим историческим развитием.

Ключевые слова: Россия; Запад; взаимоотношение; история; дружба; вражда; национальный менталитет; цивилизационное противостояние; религия; православие; католицизм; ментальность

ВВЕДЕНИЕ

Проблема взаимоотношений России и Запада приобретает в настоящее время особую актуальность. Все более обостряется их цивилизационное противостояние, переходя из фазы тихо тлеющего конфликта, проявляющегося в форме экономического, политического, идеологического соперничества, к горячей фазе участия, пока еще не прямого, в открытом военном конфликте. При этом исторически никак нельзя утверждать, что Россия являлась инициатором этой тайной или явной вражды. Что же является причиной столь жесткой конфронтации, постоянно тлеющего очага раздора? Раздора, провоцируемого одной из сторон, учитывая такие стратегические планы, как «Операция Немыслимое»¹ или же пресловутый «План Даллеса», направленные на уничтожение российской государственности, раздробление ее территории, присвоение ее богатств.

Отметим, что ранее жесткие методы противоборства применялись в XX в. в противостоянии между двумя формационными противниками, двумя антагонистическими мирами. Они охватывали широкий спектр действий, от информационного до

экономического, и холодная война являла собой исторический пример подобного рода. Тем не менее даже она не отличалась столь ожесточенными, агрессивными и беспрецедентными акциями, как это имеет место в настоящее время. Экспансионистский натиск включает в себя угрозы прямого военного столкновения, а также поставку и применение западных систем вооружения. Практически война, которую ведет против нас Запад, вызвана не теми или иными политическими причинами, как пытается уверить в том западная пропаганда, не наличием некоей, пусть даже неприемлемой для западного мира, идеологии. Она ведется против русской, российской цивилизации, поскольку «отменяется» и русская культура, русский язык, система ценностей и традиции, сформированные многовековой историей. В этой связи уместно вспомнить о предсказанном в конце прошлого века С. Хантингтоном «столкновении цивилизаций». Само противостояние происходит именно в этом ключе, отличие только в том, что оно происходит не между атлантическим Западом и исламом, а между Западом и Россией.

Парадоксально, что с российской стороны не выдвигались агрессивные планы аннексии территорий, Россия не была инициатором войн и конфликтов. Более того, с нашей стороны существовали постоянное стремление к решению конфликтных ситуаций мирным путем, интенция к дружескому взаимодействию, сотрудничеству, желание учиться и перенимать передовой опыт, увлечение европейской литературой, музыкой, искусством. Странная парадигма: дружбу и вражду России и Запада можно уподобить улице с односторонним движением, когда и дружба, и вражда имеют исторически определенный односторонний вектор движения.

Безусловно, тема взаимоотношений России и Запада привлекала внимание исследователей. Классической является работа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (Данилевский, 2003). Среди глубоких, интересных современных работ следует выделить, например, коллективную монографию «От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века» (Кобзарева, Виноградов, Анисимов, 2015), монографию Т. В. Партаненко и В. А. Ушакова «Взаимовосприятие России и Запада (XVIII — первая половина XIX века)» (Партаненко, Ушаков, 2006), статьи Н. И. Никитина, В. А. Матвеева и др. Очень важным является исследование швейцарского журналиста и политика Ги Меттана (Меттан, 2016). В этих исследованиях данная тематика рассматривалась преимущественно в политическом, дипломатическом, но не в культурологическом аспекте: авторы на материале Нового времени пытались дать ответ на вопрос: в чем причина столь длительного противостояния? По мнению автора, необходимо дополнить эти исследования, обратившись к комплексному культурологическому анализу проблемы противостояния Запада и России, чему и посвящена данная статья. Комплексный культурологический анализ данного феномена, рассмотренного в исторической ретроспективе, определяет новизну исследования. Полагая, что истоки, эволюция этого антагонизма, переросшего в настоящее время в цивилизационный конфликт, кроются не только и не столько в политической конъюнктуре Нового времени, но в тысячелетней истории Запада и России, автор ставит своей задачей заглянуть как можно глубже в исторический контекст взаимодействия Запада и России и определить истоки современного конфликта. Следующей, не менее важной задачей является анализ эволюции данного феномена, рассмотрение исторических реалий, влияющих на него, специфики взаимной реакции контрагентов взаимодействия, включая их ментальные характеристики.

*ДРУЖБА И ВРАЖДА РОССИИ И ЗАПАДА:
ГДЕ ИСКАТЬ ИСТОКИ?*

Идеологи и политические лидеры США в заявлениях об американской исключительности, утверждающей право на руководство миром, именуют себя «градом на холме» и «нацией наций». Первый постулат, заимствованный из Нагорной проповеди Иисуса Христа и символизирующий надежду всего человечества, можно оставить без внимания, так как «надеждой» или «маяком» для всех народов американская цивилизация вряд ли априорно может быть признана.

Второй же пропагандистский термин заслуживает внимания. В современном мире не только мощь оружия, но и сила идеалов, в том числе идеала демократии и свободы, является источником могущества — так называемая «мягкая сила». Демократию якобы как раз и может обосновать этот термин, поскольку указывает на государство, где проживают люди разных национальностей, имеющие равные права, и где разные культуры могут сосуществовать в рамках единого гражданского общества. Следует заметить, что не только Америка, но и многие другие государства обладают подобной спецификой: пример наличия одинаковых прав у жителей периферии и центра, сосуществование разных культур можно найти и в России. Исторически многонациональными государствами всегда являлись империи, хотя ни о каком равноправии или о гражданском обществе в них речи не могло идти.

Россия, безусловно, являлась империей, страной со множеством народов, своеобразной «нацией наций». Многонациональным государством она является и сейчас. Богатство национального состава российского государства было определено изначально — она возникла естественным путем как сосуществование и развитие коренных народов, традиционно проживавших на данной территории. Зародившееся более тысячи лет назад, наше государство вовлекло их в свою орбиту. Более 150 племен, т. е. славиний, если использовать византийский термин, населяли данную территорию, и потому в исторический процесс государственного строительства были естественным образом вовлечены разнообразные этносы. Это в известной степени способствовало выработке определенной степени толерантности во взаимодействии с представителями разных этнических групп.

Став постоянной доминантой, определяющей цивилизационную специфику «Русского мира», национальное многообразие в дальнейшем существовало в рамках различных государственных форм — империи, союза, федерации. Географическое положение перекрестья Востока и Запада, своеобразного «моста» между Европой и Азией детерминирует «пограничность» русской культуры. Используя терминологию Н. А. Бердяева, данную характеристику можно назвать «внеграницностью», так как в силу своего геополитического положения Русь, Россия испытывала многочисленные культурные влияния. Так, например, южная часть Русской равнины играла на протяжении столетий роль своеобразного географического «коридора», по которому проходили многочисленные народы: авары и хазары, печенеги и половцы.

Катастрофическими для любой оседлой земледельческой цивилизации будут последствия накатывавшихся номадических волн. Катастрофой являлись они и для древних русичей, вынужденных в суровой борьбе постоянно отстаивать свое право на жизнь (Козьякова, 2014). Не только длившееся на протяжении нескольких веков переселение народов, проходивших по югу Русской равнины, но так

называемая Великая степь Центральной Азии с ее кочевыми народами представляла собой перманентную опасность. На южных территориях, которые являлись наиболее благоприятными для сельского хозяйства, существовала постоянная угроза нашествия кочевых племен. Враждебные действия номадов формировали привычку к борьбе, готовность к защите своей территории и одновременно умение вести диалог с соседями. Эти черты стали впоследствии устойчивыми доминантами русской цивилизационной идентичности. Так, Н. А. Бердяев признавал, что русская государственность «выковывалась» в иноземных нашествиях, и речь при этом не могла идти об агрессии: по его разъяснению, она «занимала положение сторожевое и оборонительное» (Бердяев, 2016: 20). Об этом же ранее писал и В. О. Ключевский, утверждая, что русский народ «поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии» (Ключевский, 1987: 373).

Оберегая европейские «тылы», мы оказывались в арьергарде Европы: Русь целые века истощала свои силы, сдерживая напор азиатов, спасая европейскую культуру от татарских ударов (там же: 373). В этой борьбе расходовались силы и ресурсы, необходимые для собственного развития страны, замедлялись темпы роста: достаточно в этой связи рассмотреть период монголо-татарского ига — времени разорения и бедствий страны. Древняя Русь до нашествия была передовой, одной из самых крупных и экономически развитых в Европе того времени стран, имевшей большое количество городов, о чем свидетельствует и название, данное ей скандинавами, — Гардарика.

В ходе нашествия были разорены и уничтожены многие города, оказавшие сопротивление завоевателям, плодороднейшие черноземные земли были заброшены в результате массового оттока населения на север. Испытав этот страшный удар, развитие страны было приостановлено на пару столетий, а сама Гардарика превратилась в страну деревень: численный перевес деревенского населения существовал вплоть до середины XX в. О трагическом периоде русской истории писали В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, его изучали современные историки — например, В. И. Каргалов, В. А. Кучкин и другие (Каргалов, 1984; Кучкин, 2021). Сил для свободного развития не хватало не только в Средние века, но и в Новое время — русский народ постоянно истощал их в огромном деле создания и охранения своего государства (Бердяев, 2016: 242).

Запад, однако, не склонен был ценить жертвы, которые несла Россия, охраняя восточные тылы Европы. Как отмечал В. О. Ключевский, «сторожевая служба», согласно его образному определению, «везде неблагоприятна и скоро забывается» (Ключевский, 1987: 373). Более того, русские земли являли собой лакомый кусок для завоевателей с Запада — почти каждое столетие Россия вынуждена была сражаться на своих западных рубежах. Так, начиная с XII в. немецкие, датские, шведские рыцари под лозунгом христианизации языческих племен несколько столетий вели крестовые походы в южной Прибалтике, захватывая земли финнов, балтийских народов, истребляя обитавших на берегах Балтики славян и пруссов. В ходе этой агрессии последние были онемечены и смешались с этническими группами эстов, ливов и других.

Покорив и уничтожив язычников, рыцари Тевтонского ордена продолжили свой натиск на Восток — «Drang nach Osten». Теперь они готовили завоевания уже христианских народов: покорив православные русские княжества, они намерева-

лись мечами проторить дорогу католической вере. Агрессоры были разбиты войском Александра Невского, одержавшего победу в Ледовом побоище — это был яркий, но далеко не единственный пример спровоцированных папским престолом нашествий на православные земли. Борьба со «схизматиками» и насаждение «истинной веры» вплоть до Нового времени использовались западными завоевателями как предлог для попыток захвата русских земель.

После походов Тевтонского ордена идея «Drang nach Osten» в той или иной форме, явно или скрытно, будет использоваться различными странами: защищаясь, Россия будет вести войны и отдельные сражения с Ливонией и Швецией, с Польшей и Литвой, Германией и Францией. Средневековая концепция «Натиска на Восток» останется в истории, выходя из небытия в ситуациях агрессивных западных авантур. Так, она вновь оживает в середине XX в., будучи использована как ключевой элемент нацистской идеологии и одновременно — как фашистский лозунг (Акунов, 2012).

Отразив агрессию на Западе, освободившись от более чем 200-летнего монголо-татарского ига, Россия в последующие века неудержимо шла на Восток. Объединяя различные этнические сообщества, она обеспечивала тем самым геополитическую стабильность евразийского пространства, поскольку российское подданство прекращало межэтнические конфликты, гарантировало жизнь для многих малых народов. Империя не торговала рабами, не истребляла народы присоединяемых территорий, не уничтожала аборигенную культуру. Более того, она могла поднимать уровень их национальной культуры, приобщать к своей, поскольку русский язык и русская культура являлись тем цементирующим субстратом, который гарантировал эту перспективу. Различные народы, имея свою собственную культуру, находясь в рамках единого государства, имели для этого возможность. Правда, нельзя не сказать об экономической подоплеке присоединения Урала и Сибири: расширение на восток прежде всего преследовало цель приобретения территорий, богатых пушниной — очень ценным в то время товаром. Отношения между колонизаторами и аборигенами тоже не всегда были простыми — хорошо известны примеры ожесточенного сопротивления местных народов, например чукчей.

Зачастую поддержка периферии осуществлялась за счет центра, т. е. за счет государствообразующего народа, налагая на него бремя дополнительных тягот. Это являло собой резкий контраст с практикой других империй, безудержно грабящих свои колонии. Что же касается инсинуаций наших «доброжелателей» по поводу «русского колониализма», обличения России как некоей «тюрьмы народов», то исторической наукой на них дается исчерпывающий и доказательный ответ — например, в статье Н. И. Никитина с говорящим названием «Имперскость России: благо или проклятие?» (Никитин, 2015). В частности, примером «антиимперскости» по отношению к малым народам могут служить льготы, предоставленные населению Крыма после его присоединения императрицей Екатериной: она пожаловала высшему крымскому сословию все права русского дворянства, а крестьяне получили статус государственных, т. е. для них не было введено крепостное право.

Северное и южное направление — имеются в виду Скандинавия и Византия — также оказали на Русь важное социальное, политическое, культурное влияние. Что касается наших северных соседей, то воинственные племена викингов, державшие на протяжении столетий в страхе Западную Европу, нередко нанимались

на службу к русским князьям, входили в состав княжеских дружин, включаясь таким образом в привилегированный слой. Будучи военной аристократией, они служили князьям или же сами становились князьями, постепенно смешиваясь с местным населением, внося таким образом свою лепту в создание военно-дружинного уклада — власти, характерной для ранних этапов существования древнерусского государства. Известный историк Р. Пайпс показывает в своей книге, что исторически Русь возникла как зона контроля варяжских дружин над торговыми путями, идущими с Севера к Черному морю (Пайпс, 2004).

Юг, южная ориентация в первую очередь определялась Византией. Империя ромеев являлась одним из крупнейших государств Средневековья: бывшая некогда в составе Римской империи, ставшая затем Восточной Римской империей, она существовала как самостоятельное государство с конца IV до середины XV в. Византия являла собой символ богатства и мощи, обладала тем, что не существовало в средневековой Европе: централизованной властью, административным аппаратом, крупными городами, оживленной торговлей, классической наукой и развитой системой образования. Патриарх британской историографии Дж. Тойнби писал о Византии, что она «опережала западное христианство на семь или восемь столетий, ибо ни одно государство на Западе не могло сравниться с Восточной Римской империей вплоть до XV–XVI вв.» (Тойнби, 1991: 319).

Она сыграла особую историческую роль, став связующим звеном между античной культурой и христианским миром, внесла свой неоценимый вклад в генезис европейского Ренессанса, оказала колоссальное культурное воздействие на Русь. Именно отсюда пришло на русскую землю православное христианство, определившее основы русской духовности, было открыто, воспринято, усвоено богатейшее культурное наследие Античности (Козьякова, 2014).

Судьба последнего, однако, была трагичной: подобно Атлантиде, он исчезает, но не в морских волнах, а в череде исторических катаклизмов. Падение Византии было связано не только с внутренними проблемами, со слабостью и неспособностью противостоять агрессии Османской империи — последняя завершилась взятием Константинополя в 1453 году. Большую роль сыграло здесь вероломство европейского Запада, которое подорвало обороноспособность христианского государства, что пагубно отразилось в исторической перспективе. Данный исторический нарратив станет важным фактором в последующей истории взаимоотношений Запада и России.

Византия, бывшая некогда частью Великого Рима, являлась его наследницей, но христианский Запад и Восток долгое время шли разными путями. Раннесредневековый Запад, будучи бедным, невежественным и воинственным, вряд ли понимал величие цивилизации церемониала, соображения государственной пользы, восточную ученость и культуру — слишком глубока была пропасть между двумя мирами — варварством и цивилизацией. Средневековый европеец завидовал богатству и роскоши Византии, живущей не войной и военной добычей, но торговлей. Известный французский медиевист Ж. Ле Гофф писал по этому поводу: «Даже для тех людей Запада, которые не созерцали ее чудес, Византия была в средние века источником почти всех богатств» (Ле Гофф, 1992: 135).

Нараставшие непонимание и неприязнь, чувство зависти и неполноценности постепенно превращалось в ненависть — буквально по принципу «брат мой — враг мой». В средневековой Европе господствовал религиозный шовинизм и таким об-

разом идентифицировалось пространство. Византия и ее жители не входили в орбиту влияния римской католической церкви и, следовательно, уже не относились к миру благочестивых христиан, а с середины XI в., со времени разделения конфессий, византиец считался еретиком. Прав оказался базилиевс Никифор, бросивший обвинение епископу Кремонскому Лиутпранду: «Вы не римляне, вы лангобарды!», т. е. варвары. В этом убедились византийцы, столкнувшись с крестоносцами во время первого крестового похода: вместо собратьев по вере они увидели алчных, невежественных варваров, странным образом именовавших себя христианами.

Копившаяся ненависть и злоба привели к кровавому эпилогу: участники четвертого крестового похода захватили Константинополь, устроив в городе кровавую резню. Это было не просто нападение и захват города, это был трагический исторический прецедент — столица христианского государства была захвачена и разграблена христианами, в которых чаяли увидеть защитников. Позвав на помощь собратьев по вере, Византия получила в ответ вероломство и предательство: резня жителей города была оправдана, европейцы же утолили свою алчность, о чем писали средневековые хроники.

Вражда и ненависть к православной Византии эхом откликнутся в дальнейшем в российской истории, став ее важным фактором. В XV в. происходит возвышение Москвы — она превращается в центр Московской Руси. И в XVI в. Россия остается в одиночестве: она — единственное православное государство, последний оплот православной цивилизации, если не считать маленькую Грузию, зажатую между Османской и Сефевидской империями. XVI в. — «век русского одиночества». В данных исторических условиях далеко не случайно возникает идея «Третьего Рима». О том, что Россия по праву приняла на себя эту схиму, тяжелую обязанность сохранения православной цивилизации, писал Дж. Тойнби. «Русские не были узурпаторами... Они остались единственными наследниками... Русский народ оказался последним оплотом православной веры. Таким образом он унаследовал права и обязанности Римской империи» (Тойнби, 1991: 496).

Россия, кроме прав, «унаследовала» и враждебное отношение Запада к восточным христианам: после падения Византии оно перейдет на Россию, надолго определив модус ее восприятия на Западе (Козьякова, 2014). Далекое от идеалов христианства неприязненное отношение римско-католической церкви определялось не только конфессиональными различиями, но также и властными притязаниями Рима, надеявшегося на распространение своего влияния. На территории России, однако, папскому престолу было запрещено вести миссионерскую деятельность.

Коренной ломкой жизненного уклада в нашей стране явились Петровские реформы, преобразовавшие быт, поведение, мировосприятие россиян. Петровские ассамблеи и европейское платье, табель о рангах и светский этикет, пища и развлечения — трансформация в образе жизни, ментальности высших слоев была кардинальной (Козьякова, 2018). Тем самым с Петровских реформ возникает и постепенно увеличивается пропасть, отделявшая дворянское сословие от других общественных групп.

Дистанция, отделявшая верхи от остальных сословий, увеличивается еще больше при закреплении иностранного языка в качестве обязательного стандарта. Речь шла не о дополнении русского языка иностранным, а именно о его полной замене: так, еще свод правил петровского времени — «Юности честное зерцало», регламентировавший поведение молодого дворянина, прямо указывал «младым отро-

кам» не говорить между собой по-русски. В дальнейшем французский язык станет нормативным языком общения в дворянской среде, а языковое обучение превратится в обязательный элемент для дворян, но также и для некоторых других слоев общества. В светском обществе чистота французской речи будет служить своеобразной визитной карточкой, характеристикой человека. Феномен доминирования чужого языка, при котором представители высших сословий говорили почти исключительно на французском, описан в литературе. Он представлен Л. Н. Толстым в романе «Война и мир»: на этом языке написаны целые страницы, поскольку именно французская речь служила наиболее полной характеристикой великосветского общества. Даже любимая героиня А. С. Пушкина — Татьяна, будучи «русской душой», могла лишь «с трудом» изъясняться «на языке своем родном», как ни покажется это странным читателю романа.

Западные нормы и правила поведения, внедренные в повседневный обиход, влекли за собой изменения в ценностных установках. Ориентация на западные стандарты, супрематия всего французского формировали космополитизм элиты. В. О. Ключевский писал, что на представителя этого круга могут смотреть «как на случайно родившегося в России француза». Далее, рассматривая эволюцию этого сословия, он отмечал: «...Петровский артиллерист и навигатор через несколько времени превратился в елизаветинского петиметра, а петиметр при Екатерине II превратился в свою очередь в *home de letters* (литератора), который к концу века сделался вольнодумцем, масоном либо вольтерьянцем; и тот высший слой дворянства... и должен был после Екатерины руководить обществом...» (Ключевский, 1987: 167).

Космополитизм элиты, ее ориентация на западную культуру будет в определенной степени исчезать в периоды тяжелых испытаний при отражении внешних агрессий. Пример подобного рода перемены дает период Отечественной войны 1812 г. В. О. Ключевский так характеризовал эту важную перемену: «Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французами, которым страстно хотелось стать русскими» (Ключевский, 1987: 228).

Война с Наполеоном, ставшая Отечественной, с неизбежностью поставила в повестку дня вопросы о национальном самоопределении и цивилизационной идентичности. Это нашло свое выражение в актуализации исторической тематики, в том числе в произведениях искусства — назовем композиторов М. И. Глинку, А. П. Бородину, в интересе к истории — исследования С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, в изучении русского фольклора — работа В. И. Даля. Возникает славянофильство — философское и литературное течение, представители которого были ориентированы на выявление самобытности России, поиски ее особого пути развития. Составив золотой фонд русской культуры, мощный взлет национального самосознания XIX в. нашел свое выражение в философии, литературе, искусстве. Произведения писателей, художников, композиторов того времени вошли в «золотой фонд» русской и мировой культуры, достаточно в этой связи упомянуть имена Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

Национальная самобытность также ярко проявлена в доминантных характеристиках русской цивилизации, сформировавшихся на самых ранних этапах ее существования. Паттерны традиционной культуры, отмечает, например, А. В. Костина, «наработаны в течение веков и составляют некий базисный уровень понима-

ния мира и причинности в нем событий. Следование им выступает в качестве гаранта выживаемости данного народа или нации» (Костина, 2025: 123). Существование оседлого населения в условиях критического земледелия, сама возможность его выживания требуют определенных качеств, передающихся из поколения в поколение, входящих, условно говоря, в национальный «генный набор» — терпение и мужество, выдержка в борьбе с суровой природой, так же как и с враждебным окружением.

Естественно, что в тяжелых природных условиях человек не может действовать в одиночку, поэтому коллективизм также должен с неизменностью входить в этот «генный набор». Коллективность, коллективизм также являлись одним из важнейших принципов русского мира. Коллективистская установка обладала защитной функцией, которая создает возможность взаимодействия и взаимовыручки, но одновременно требует от членов сообщества признания приоритета общего, общественного блага, ответственности перед коллективом.

Коллективизм на протяжении многих столетий был представлен в том числе государственными структурами, т. е. наиболее масштабной общностью, и потому соборность в терминологии русской религиозной философии становится одной из важнейших культурных доминант. Глубокое уважение, почитание державности, величия и мощи империи — это, используя выражение И. А. Солоневича, «глубочайший государственный инстинкт народа». Исследователи отмечают «имперский ген», присущий большинству населения, как одну из важнейших характеристик российской ментальности (см., например: Никольский, 2017). Она наличествовала на разных уровнях, в различных сословиях и социальных группах. Примером проявления этого пиетета, сохранявшегося в условиях социального катаклизма, когда рушилось государство, но люди сохраняли верность устоям, могут быть слова таможенника в фильме «Белое солнце пустыни». Его герой в исполнении П. Луспекаева произносит фразу, получившую у современных зрителей большую популярность: «Я мзду не беру, мне за державу обидно».

Власть в Российском государстве на всем протяжении его истории была достаточно жесткой, а ее бремя для населения — тяжелым. Однако таков был императив этатизма: только сильная централизованная власть могла обеспечить сохранение огромного государства с его бескрайними просторами и многочисленными народами (см., например: Спиридонова, Соколова, Шевченко, 2016). Когда слабела центральная власть и замирала деятельность государственных институтов, происходили фатальные события: начинался период смуты, распада государства. В истории нашего Отечества один из таких периодов получил аналогичное название Смутного времени, однако народная инициатива смогла сохранить государство, в других же периодах происходил его распад: правление Николая II закончилось исчезновением Российской империи, период так называемой перестройки М. С. Горбачева — распадом СССР.

Российское государство переставало существовать, распадалось, как показывает история, вследствие внутренних причин, но тем не менее на протяжении всей истории чрезвычайно остро стояла проблема границ, отражения агрессий. Огромность территории превращала этот императив в тяжелое бремя, ложась всецело на его население. При отражении внешних угроз, при борьбе с иноземными захватчиками звучал набат, призывая на поле боя. В традициях русской воинской доблести — проявлять мужество, сражаться не на жизнь, а на смерть, т. е. жертвовать

собой, защищая Отечество. На этом обжигались захватчики: они, как например, Наполеон, не предполагали получить в России вместо легитимации победы ожесточенное народное сопротивление.

У русских существует лозунг «Умираю, но не сдаюсь!», необычный и непривычный для солдат многих стран мира. Самоотверженная борьба в отечественной истории запечатлена множеством примеров, будь то разнообразные средневековые сражения — Невская, Куликовская битвы, будь то примеры из Новой истории — Полтава, или же из Великой Отечественной войны — примеры жертвенной стойкости героев-панфиловцев или жителей Ленинграда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская империя являла собой нечто нетипичное, не характерное для этого вида государственных образований. Она отличалась гораздо большей толерантностью к покоренному нерусскому населению, чем, например, Британская империя. Наоборот, внутри страны, на ее национальных окраинах проводилась политика по принципу «единого отечества», не имевшая аналогов в мире. Факты дискриминации безусловно присутствовали (например, в отношении евреев), однако Россия зачастую вступалась за другие народы, подвергавшиеся гонениям или опасности геноцида. Так было при освобождении балканских народов от османского владычества, при освобождении Европы от фашизма. Без России не было бы Грузии и Армении, Осетии и Абхазии, Украины и Белоруссии, многих других стран. Россия помогла в том числе и Америке: послав военно-морские эскадры в период Гражданской войны, она оказала дипломатическую и военную поддержку северянам и тем самым сорвала планы англо-французской интервенции. Именно по предложению России в Европе в 1899 г. была созвана первая международная конференция по разоружению. Это не означает, что при этом Россия не преследовала определенных прагматических целей: например, войны с Турцией в XVIII в. были связаны в том числе и с потребностью империи получить выход к Черному морю, а популярная в XIX в. идея освобождения Константинополя — получить контроль над Черноморскими проливами. Колонизация Кавказа и Средней Азии тоже во многом преследовали цели установления геополитического доминирования в этом регионе (где в то время господствовала Британия).

В отличие от Запада Россия утверждала иные ценности, проводила более миролюбивую политику. Будучи европейским, русский народ создал собственную цивилизацию, во многом альтернативную, не похожую на своих соседей. Вероятно, именно это провоцирует русофобию: обширное, самодостаточное европейское государство предлагает миру иные ценности, демонстрирует иные возможности, нежели Запад.

В западном проекте Россия является конкурентом, и потому она опасна, ее нужно обязательно дискредитировать, а еще лучше — избавиться от нее определенным образом, известным с колониальных времен. Страна с огромной территорией, с большими запасами разнообразных природных богатств всегда служила объектом вождения для сильных мира сего. Знаменательно высказывание, приписываемое бывшему госсекретарю США Мадлен Олбрайт: «Несправедливо, что такой территорией, как Сибирь, владеет только одна страна в мире» — фраза, от которой она пыталась откеститься, но которая раскрывает намерения правящих западных элит.

Отмеченная Н. А. Бердяевым специфика «русской стихии» — «национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам» (Бердяев, 2016: 22) воспринимается Западом как слабость. Наивными были и будут попытки наладить дружеские, доброжелательные отношения с Западом путем односторонних уступок, отказа от собственных национальных интересов. И потому так важна в настоящее время защита национального суверенитета, традиционных ценностей и национальной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ План нападения на СССР, разработанный начальниками штабов Вооруженных сил Великобритании по приказу У. Черчилля в мае 1945 г. См.: Как Англия, а затем и США хотели повернуть оружие против СССР. URL: <https://rg.ru/2023/05/08/chisto-anglijskoe-predatelstvo.html> (дата обращения: 08.09.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акунов, В. В. (2012) История Тевтонского ордена. М. : Вече. 320 с.
- Бердяев, Н. А. (2016) Душа России : сб. ст. М. : Центрполиграф, 2016. 255 с.
- Данилевский, Н. Я. (2003) Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Известия. 605 с.
- Каргалов, В. И. (1984) Конец ордынского ига. М. : Наука, 1984. 152 с.
- Ключевский, В. О. (1987) Соч. : в 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Часть 2. М. : Мысль. 446 с.
- Кобзарева, Е. И., Виноградов, А. В., Анисимов, М. Ю. (2015) От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М. ; СПб. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив. 440 с.
- Козьякова, М. И. (2014) Этнокультурный диалог как исторический опыт России. Россия и Запад: Диалог культур : сб. ст. : материалы XVII международной конференции, 27–28 ноября 2014. М. : Издательство Центра по изучению взаимодействия культур МГУ. № 7.
- Козьякова, М. И. (2018) Исторический этикет. 2-е изд. М. : Согласие. 288 с.
- Костина, А. В. (2015) Традиционная культура в условиях цифровых общественно-экономических отношений. Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета. № 1. С. 111–131.
- Кучкин, В. А. (2021) Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход». Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН. М. : Индрик. 296 с.
- Ле Гофф, Ж. (1992) Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. ; общ. ред. Ю. Л. Бесмертного ; послесл. А. Я. Гуревича. М. : Издательская группа «Прогресс», Прогресс-Академия. 376 с.
- Меттан, Г. (2016) Запад — Россия: тысячелетняя война: история русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / пер. с фр. М. Аннинской, С. Булгаковой. М. : Пауленсен. 462 с.
- Никитин, Н. И. (2015) Имперскость России: благо или проклятие? Вопросы национализма. Журнал научной и общественно-политической мысли. № 4 (24). С. 163–194.
- Никольский, С. А. (2017) Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М. : ИФ РАН. 126 с.
- Пайпс, Р. (2004) Россия при старом режиме / пер. с англ. В. Козловского. М. : Захаров. 493 с.
- Партаненко, Т. В., Ушаков, В. А. (2006) Взаимовосприятие России и Запада (XVIII — первая половина XIX века). СПб. : Нестор, 154 с.
- Спирidonova, В. И., Соколова, Р. И., Шевченко, В. Н. (2016) Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М. : ИФ РАН. 122 с.

Тойнби, А. Дж. (1991) *Постижение истории* : сб. / пер. с англ. Е. Д. Жаркова ; сост. А. П. Огурцов ; вступ. ст. В. И. Уколовой ; закл. ст. Е. Б. Рашковского. М. : Прогресс. 730 с.

Дата поступления: 12.09.2025 г.

RUSSIA AND THE WEST: THE ORIGINS OF CIVILIZATION CONFLICT

M. I. KOZYAKOVA

AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION FOR THE DEVELOPMENT OF CULTURAL, RECREATIONAL AND TOURISM PROJECTS "LEAGUE OF CULTURE, HEALTH, TOURISM"

The purpose of this article is a comprehensive cultural analysis of the reasons behind the confrontation between the West and Russia, which will allow us to identify the origins of the modern conflict and trace the evolution of the relationship between the two European civilizations. The author believes that the origins of the antagonistic confrontation, which has now developed into a civilizational conflict, lie not only and not so much in the political conjuncture of Modern times, but in the millennial history of the West and Russia. Responding to modern Western insinuations about Russia's alleged "aggressive" intentions, it is necessary to note an important fact: according to historic facts, our country has always advocated a peaceful resolution of problems, resorting to military action in case of emergency or to protect its own territory. In this aspect, an important role belongs to the national mentality formed by the previous historical development.

Keywords: Russia; West; relationship; history; friendship; hostility; national mentality; civilizational confrontation; religion; Orthodoxy; Catholicism; mentality

REFERENCES

- Akunov, V. V. (2012) *Istoriya Tevtonskogo ordena*. Moscow, Veche. 320 p.
- Berdiaev, N. A. (2016) *Dusha Rossii: sbornik statey*. Moscow, Tsentrpoligraf. 255 p.
- Danilevskii, N. Ia. (2003) *Rossii i Evropa: Vzgliad na kul'turnye i politicheskie otnosheniia slavianskogo mira k germano-romanskomu*. Moscow, Izvestiia. 605 p.
- Kargalov, V. I. (1984) *Konets ordynskogo iga*. Moscow, Nauka. 152 p.
- Kliuchevskii, V. O. (1987) *Sochineniia. In 9 volumes. Kurs russkoi istorii. Chast' II*. Moscow, Mysl. Vol. 2. 446 p.
- Kobzareva, E. I., Vinogradov A. V. and Anisimov, M. Yu. (2015) *Ot carstva k imperii. Rossiya v sistemakh mezhdunarodnykh otnoshenij. Vtoraya polovina XVI — nachalo XX veka*. Moscow, Saint Petersburg, Institut rossijskoj istorii RAN Publ, Centr gumanitarnykh iniciativ. 440 p.
- Kozyakova, M. I. (2014) *Etnokul'turnyi dialog kak istoricheskii opyt Rossii. Rossiya i Zapad: Dialog kul'tur: sbornik statei. Materialy XVII mezhdunarodnoi konferentsii, 27–28 noyabrya 2014*. Moscow, Tsentr po izucheniyu vzaimodejstviya kul'tur (Moskovskii Gosudarstvennyi Universitet), no. 7.
- Kozyakova, M. I. (2016) *Istoricheskij etiket*. 2 ed. Moscow, Soglasie. 288 p.
- Kostina, A. V. (2025) *Traditsionnaia kul'tura v usloviakh tsifrovyykh obshchestvenno-ekonomicheskikh otnoshenii. Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 111–131.
- Kuchkin, V. A. (2021) *Zavoevanie Rusi Batyem i ordynskii «vykhod». Rus' v XIII–XV vekakh. Nove otkrytiia v oblasti arkhologii i istorii*. Institut arkhologii RAN, Institut rossiyskoj istorii RAN. Moscow, Indrik. 296 p.
- Le Goff, J. (1992) *Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada* / transl. from French; ed. by Yu. L. Bessmertny. Moscow, Progress Publishing Group, Progress Academy. 376 p.
- Mettan, G. (2016) *Zapad — Rossiia: tysiacheletniaia voina: istoriia rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa* / transl. from French Moscow, Paulsen. 462 p.
- Nikitin, N. I. (2015) *Imperskost' Rossii: blago ili proklatie? Voprosy nacionalizma. Zburnal nauchnoj i obshestvenno-politicheskoj mysli*, no. 4(24), pp. 163–194.
- Nikol'skii, S. A. (2017) *Imperiia i kul'tura. Filosofsko-literaturnoe osmyslenie Oktiabria*. Moscow, IFRAN. 126 p.

Pipes, R. (2004) *Russia under the old regime* / transl. from Eng. by V. Kozlovskiy. Moscow, Zakharov. 493 p.

Partanenko, T. V. and Ushakov, V. A. (2006) *Vzaimovospriyatie Rossii i Zapada (XVII — pervaya polovina XIX veka)*. Saint Petersburg, Nestor. 154 p.

Spiridonova, V. I., Sokolova, R. I. and Shevchenko, V. N. (2016) *Rossia kak gosudarstvo-tsivilizatsiia: filosofsko-politicheskii analiz*. Moscow, IFRAN. 122 p.

Toynbee, A. J. (1991) *Understanding History: Collection* / transl. from Eng. by E. D. Zharkov; comp. by A. P. Ogurtsov; intr. by V. I. Ukolova; concl. by E. B. Rashkovsky. Moscow, Progress. 730 p.

Submission date: 12.09.2025.

Козьякова Мария Ивановна — доктор философских наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Союза имени С. П. Королева, президент Автономной некоммерческой организации по развитию культурных, оздоровительных и туристических проектов «Лига культуры, здоровья, туризма». Адрес: 121609, Российская Федерация, г. Москва, Осенний бульвар, д. 15, помещ. 9. Тел.: +7 (916) 347-79-73. Эл. адрес: markoz@yandex.ru

Kozyakova Maria Ivanovna, Professor, Doctor of Philosophy, Full Member, Academy of Sciences and Arts, Union named after S. P. Korolev, President, Autonomous Non-Profit Organization for the Development of Cultural, Recreational and Tourism Projects "League of Culture, Health, Tourism". Postal address: 15, Osenniy Blvd., room 9, Moscow, Russian Federation, 121609. Tel.: +7 (916) 347-79-73. E-mail: markoz@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.4.3

Проблема равенства в классическом французском либерализме

Часть II

Консервативный либерализм Гизо и Токвиля (опыт актуального прочтения)

Г. Ю. КАНАРШ

Институт философии РАН

Статья представляет вторую (и заключительную) часть исследования, посвященного классическому французскому либерализму первой четверти XIX в., интерпретации в нем проблемы равенства. Рассматриваются взгляды на общество и политику двух видных представителей этого направления мысли — Ф. Гизо и А. де Токвиля. Показано, что консервативный либерализм этих авторов имеет не только важное значение с точки зрения развития идей, но сквозь призму их воззрений возможно многое увидеть и понять в процессах развития современного общества. Особое внимание уделено общественно-политическим процессам в России, тому, как концепции Гизо и Токвиля могли бы помочь создать в нашей стране «хорошее общество» и «хорошую форму правления», отвечающие интересам большинства населения в стабильности и развитии.